

Пролог

Кожа покрылась испариной. Он кашлял хрипло, придушенно. В горле скопилась мокрота. За тряпкой, которой ему заткнули рот. Он попытался стиснуть ткань зубами и выплюнуть ее, но кляп затолкали так глубоко, что у него не получалось сомкнуть широко разведенные челюсти.

Виски пульсировали, словно в них ритмично долбили изнутри. Свет от лампы на потолке пробивался сквозь тонкую ткань, закрывавшую лицо. Он усугублял давящую тошноту, вызванную болью и резким металлическим привкусом во рту. Желудок сжался в рвотном позыве.

Он дышал часто. С трудом. Воздух толчками наполнял легкие. Он попытался сглотнуть слюну, собравшуюся в горле липким комком. Еще раз. Стиснул поверх кляпа побелевшие губы.

Все вокруг завертелось. Тошнота подступила с новой силой. Пришлось напрячь мышцы глотки и затаить дыхание, чтобы сдерживать рвоту. Он не смел пошевелиться. Боль в ладонях была невыносимой. При любом движении она устремлялась из пробитых гвоздями отверстий по рукам и дальше, в череп за глазницами, где все падало и осыпалось. При дыхании царапало в носу. Голову и легкие сдавливало. Ему не хватало воздуха. Горло сжималось спазмами. Мышцы пытались протолкнуть в легкие кислород, но в глотке не было ничего, кроме слюны и мокроты.

Когда холодное лезвие скользнуло вдоль живота, вспарывающая рубашку и свитер до самого горла, сквозь кляп пробилось

глухое мычание. Слезы покатались по лицу, застревая в бороде. «Ты не посмеешь! Не посмеешь убить меня!» — хотел крикнуть он, но вместо слов издал лишь задушенные, рычащие звуки.

Он вздрогнул, когда чужой палец в безмолвии провел по натянутой коже его живота.

Боль в ладонях отдавалась во всем теле, заполняя повисшие в тишине секунды. Но только до тех пор, пока в судороге он не почувствовал, как горящий клинок вспарывает кожу и ткани живота так глубоко, что острие упирается в грудину и останавливается в ней. Сталь заскрежетала по кости. Все поддалось в его напряженном теле. Кожа. Плоть. Жизнь. Он издал клочущий рык и забился всем телом, ударяясь затылком об пол, раздирая прибитые к половицам кровоточащие руки. Сопли запузырились в носу, перекрывая доступ воздуху. Ткань во рту пропиталась кровью. Свет закричал. Пропал. Закричал.

KOШMAP SINNATTUPI LUK

ГЛАВА 1

Нуук, 7 августа 2014 г.

Из ниоткуда возник красный автомобиль. Задел правым крылом «Гольф», машины завияли и влетели друг в друга. Синий «Гольф» припал на задние колеса, а старый «Мерседес» уткнулся передком в асфальт и подлетел, словно пустая пивная банка. Оторвавшись от земли, он ударился в багажник «Гольфа», рикошетом отлетел на дорогу, и оттуда его бросило на крышу синей машины. «Гольф» не выдержал и просел с правой стороны, с левой кузов остался неповрежденным. Старый «Мерседес», двигаясь по инерции, с такой силой врезался в защитное ограждение, что пробил его насквозь. Оторвавшаяся часть стальной ограды распорол бок машины. «Гольф» вынесло с дороги: он скатился по насыпи и замер на боку. Мотор заглох, и все затихло. В «Мерседесе» кричал человек. Неразборчиво, бессмысленно. Только вопил. В «Гольфе» бледный мужчина смотрел в глаза женщине. Ее зажало между продавленной крышей машины и вспучившимся днищем. Мужчину придавило к сиденью ремнем и шипящей подушкой безопасности. Пассажирская подушка порвалась и сдулась. Из ран на голове мужчины текла кровь. У женщины было внутреннее кровотечение. Он протянул к ней руку, но она не сжала ее. Тело женщины обмякло. Из глаз уходила жизнь. Под пробитым днищем машины виднелась узкая полоска земли. Он погладил женщину по щеке. Ее глаза еще жили. Их взгляд удерживал его. Проникал

туда, где все разбилось вдребезги и теперь вытекало наружу. Прямо на нее. Его рука опустилась ниже, к ее животу. Скользнула по его округлости. Девочка. Ребенок внутри. Ее глаза исчезли. Все исчезло.

Мэтью с криком сбросил одеяло. Мокрая футболка прилипла к телу. Зарывав, он сорвал ее и швырнул на пол вслед за одеялом. В помещении едко пахло потом. Мэтью вскочил с дивана и в несколько шагов оказался у двери на балкон.

В воздухе висела вечерняя дымка. Он наполнился запахом моря и сырости — спутницы холодного североатлантического тумана. Мэтью достал пачку сигарет. Теплую и мятую, потому что она оставалась в кармане. Он всунул сигарету в рот и закурил. Расстегнул джинсы, стянул их. Затем трусы. Одежда промокла от пота и воняла.

Из ноздрей вырвался дым. Окутал лицо, спустился по обнаженному телу. Слил с туманом. Как и сам Мэтью. *Ты ребенок-тень*, говорила ему мать, когда он был маленьким. *Ты такой бледный, что растворяешься в тумане.*

Мгла с холодного моря, омывающего оконечность острова, на которой располагался Нуук, подобралась к нему. Кожу покалывало от холода. Волоски встали дыбом. Тонкие и светлые на руках и ногах. Они покрылись влагой. Мэтью выдохнул дым.

Он плохо спал. Его мучили кошмары. Они всегда были на чеку, поджидали, когда он заснет, и тогда накидывались на него и рвали на части. Ночь за ночью. Месяц за месяцем. Тот же кошмар. Те же глаза. Устремленный на него взгляд. Смерть.

Он в последний раз затянулся, бросил окурочек в вазочку, полную серой каши из сотен остатков сигарет и дождевой воды, и стал смотреть, как он тонет. Где-то позади зажужжал телефон. Мэтью подобрал джинсы и выудил мобильный из кармана. Звонил редактор.

— Мэт! Здорóво, это я. Готов к дебатам?

Мэтью окинул взглядом свое голое тело.

— Да.

— Первые дебаты с Алекой¹ и Сёренем Эсперсеном сейчас в эфире. Не забудь посмотреть. Йон Эмиль Люберт из «ИА»² тоже там будет.

Мэтью повалился навзничь на диван, одновременно подхватив пульт и включив телевизор.

— Переключи на «КНР»³, — проворчал редактор.

— Да-да...

— Я хочу, чтобы после дебатов ты выложил на сайте краткое содержание встречи. Мису готов сразу сделать перевод, так что работа легче легкого. Ты включил?

— Да-да, я смотрю.

— Они только начали, — редактор тяжело задышал. — Речь идет о злополучной Комиссии по примирению и десяти миллионах.

— Я смотрю, — коротко повторил Мэтью. — Алека говорит, что нужно объединиться, а не обвинять друг друга. Страна должна стать единым целым и примириться как внутри, так и с внешним миром. Люберт возражает, что лучше бы десять миллионов пошли на поддержку искусства и культуры, чем на работу дорогостоящей комиссии, в которой датское правительство даже не желает участвовать.

— Точно. Хорошо, что ты смотришь. Не забудь сразу выложить материал онлайн. Можешь писать, пока слушаешь. Идет?

— Ладно, я за работу. Отключаюсь, чтобы делать заметки.

Голос премьер-министра Алеки Хаммонд заполнил комнату:

— Проблема не в десяти миллионах, а в том, что Дания не хочет участвовать. Нам нужно это примирение.

¹ Алека Хаммонд — глава социал-демократической партии «Вперед» («Сиумут»), поддерживающей широкую автономию острова. Первая женщина-премьер-министр Гренландии. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. пер.*

² «ИА» (IA — *Inuit Ataqatigiit*) — «Народное сообщество», лево-социалистическая партия в Гренландии.

³ «КНР» (KNR TV) — гренландский телеканал.

— Нам нужно не примирение, — возразил Люберт. — Скорее понимание.

К дискуссии присоединился третий голос:

— Не прикрывает ли вся эта комиссия желание политиков выдоить из Датского государства еще несколько миллионов, в то время как Гренландия стремится к большей независимости?

— С точностью до наоборот, — резко ответила Алека. — Речь идет исключительно о братстве народов и единении, но нас ждет долгий путь к этой цели, если единственный, кого к нам прислали, — истеричный член «ДФ»¹.

— И все-таки я здесь, — быстро вставил Эсперсен.

— То, что Хелле Торнинг и прочие члены датского правительства не хотят примирения, — признак их слабости, — сердито сказала Алека.

— Примирения по какому поводу? — спросил Эсперсен. — Если бы решал я, то Дания вмешалась бы во все, что тут происходит. Это же полный бред, что мы каждый год посылаем вам столько миллиардов, не имея ни малейшей возможности определять, на что пойдут эти деньги. Мы бы никогда не закрыли глаза, будь на Борнхольме или Лолланне самый высокий процент самоубийств в мире или если каждая третья девочка там подвергалась бы сексуальному насилию.

— Разговор с «ДФ» всегда заканчивается чем-то подобным, — прошипела Алека. — Вы просто всё обобщающие расисты.

— Разве то, что мы против растления детей, признак расизма? — воскликнул Эсперсен.

Мэтью нажал на кнопку пульта, и голоса политиков постепенно затихли. Ему было не обязательно слушать дебаты Алеки и Эсперсена, потому что они всегда говорили одно и то же.

¹ «ДФ» (DF — *Dansk Folkeparti*) — «Датская Народная Партия», национал-консервативная партия.

Он подтянул к себе ноутбук. *Первый из трех запланированных раундов политических дебатов с участием Алеки Хаммонд и Сёрена Эсперсена должен был затрагивать судьбу Комиссии по примирению, но быстро ушел в сторону от темы, продемонстрировав резкое расхождение во взглядах премьер-министра Гренландии и заместителя председателя «ДФ», по совместительству спикера парламента, представляющего Гренландию.*

Прошло около двадцати минут: на экране Алека с явным отвращением во взгляде протянула руку Эсперсену, а готовая статья ушла переводчику, который позаботится о ее публикации на датском и гренландском на сайте sermitsiaq.ag.

Когда Мэтью несколько лет назад окончил журфак, он и представить себе не мог, что будет сидеть в Нууке и писать о примирении. Он желал большего и предвкушал охоту за сенсациями. Однако эти мечты разбились в аварии. Все было взаимосвязано. Он любил Тину. Мечтал о семье. Об Эмили. Но только обо всем сразу. В единстве.

Мэтью закрыл глаза. Наверное, именно это он и искал в Нууке среди призраков отца, Тины и Эмили — возможность разбить единство и найти выход между разрозненными частями, пока тьма внутри не поглотила его окончательно. Найти что-то новое. Проблеск жизни. Нечто дикое и первозданное.

Он свернулся в комок на диване. Крики из ночного кошмара отдавались в голове. Он чувствовал кончиками пальцев выпуклость ее живота. Мэтью потер глаза. Было поздно, но вряд ли он выспится. Небо над городом всю ночь будет светлым. Туман поредеет. Мэтью подтянул сумку для компьютера и сунул руку во внутренний карман. Пальцы нащупали стопку старых фотографий.

Он рассматривал их одну за другой, а затем складывал рядом на диване. Снимки истрепались по краям, от того, что часто бывали в его руках. Некоторые он хранил с детства. Самыми старыми были фотографии отца. Их сделали в окрестностях базы Туле, и на всех отец в форме, за исключением одной, где

он сидит с матерью Мэтью в ресторане. Отец улыбается. Они оба улыбаются. У матери был большой живот. Среди фотографий оказалась открытка. Ее отправили из Нуука в 1990-м. *I am not able to go to Denmark as soon as planned*, гласила надпись. *Sorry, love you both*.¹

Мэтью провел пальцем по буквам. Эти слова — единственное, что осталось от отца. Открытка пришла через несколько месяцев после переезда Мэтью и мамы обратно в Данию.

На последнем, скользнувшем между пальцев фото была Тина. Она смотрела прямо на него. Тина радостно улыбалась, ведь в тот день они узнали, что у них будет дочь. Они даже видели малышку на мониторе у акушерки. *Мы назовем ее Эмили*, сказала Тина. *Эмили. И когда она станет больше, чем мой живот, я буду читать ей «Грозовой перевал»*. Он любил Тину. Она любила его.

¹ Я не смогу приехать в Данию, как планировал. Простите, люблю вас обоих. — *Англ.*

ЧЕЛОВЕК С ЛЕДНИКА
ANGUT SERMIMEERSOQ

